

А Д В О К А Т С К А Я   П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 57

27 февраля 2025 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ....., с участием заявителя Л., его представителей – Лю. (доверенность от 10 января 2022 года № ..., удостоверена нотариусом города Москвы Р., зарегистрирована в реестре № ...) и адвоката К. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов; удостоверение №... выдано Главным управлением Министерства юстиции РФ по городу Москве 14 мая 2015 года, ордер от 26 февраля 2025 года № ..), рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Л. от 13 июля 2024 года (вх. № ... от 22.07.2024) в отношении адвоката Ш. (регистрационный номер 77/... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 15 января 2025 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 ст. 8 и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан честно... добросовестно, квалифицированно... исполнять свои профессиональные обязанности, адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем... обещания благополучного разрешения дела»), исполнении адвокатом Ш. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Л., выразившемся в навязывании последнему своей помощи и привлечении его в качестве доверителя по Договору об оказании юридической помощи № ... от 16 ноября 2022 года путем обещания благополучного разрешения дела;

2) о нарушении адвокатом Ш. взаимосвязанных положений п. 3, 4 ст. 6 и пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в

разглашении ею в своих интересах и без согласия доверителя Л. при подаче ею 12 июля 2023 года заявления на имя Генерального прокурора Российской Федерации о привлечении Л. М.Б, Лю. и других к уголовной ответственности за совершение вымогательства у Ш. сведений, полученных от доверителя Л. и оформленных адвокатом Ш. в виде документа с названием «Хронология событий, составленная Л.», являющегося приложением к вышеуказанному заявлению;

3) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («При отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю ... доверенность...»), исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем Л., выразившемся в том, что, узнав 29 июня 2023 года о расторжении Договора об оказании правовой помощи № ... от 16 ноября 2022 года, адвокат Ш. не возвратила доверителю Л. подлинник доверенности от 20 апреля 2023 года (бланк № .. .., удостоверенной Ка. – временно исполняющей обязанности нотариуса города Москвы Я., номер в реестре ...);

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ш. по жалобе Л. от 13 июля 2024 года (вх. № ... от 20.07.2024), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Ш., неоднократно и различными способами уведомленная надлежащим образом по имеющимся контактными данным о дне, времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, в заседание Совета не явилась, участие представителя не обеспечила, о наличии уважительных причин неявки не заявила, ходатайство об отложении рассмотрения дисциплинарного производства не заявила, отношение к заключению Квалификационной комиссии, копия которого была ей заблаговременно выслана, не высказала (служебные записки руководителя отдела организационного обеспечения дисциплинарных производств П. и старшего консультанта отдела организационного обеспечения дисциплинарных производств М.

Принимая во внимание эти обстоятельства и с учетом положений п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие адвоката Ш.

Заявитель Л. в заседании Совета сообщил, что получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами не согласен в той части, в которой в действиях адвоката Ш. не признаны нарушения. В полном объеме поддерживает свои доводы, изложенные в письменных

возражениях от 23 февраля 2025 года (вх. №... от 24.02.2025). Отвечая на вопросы членов Совета, дополнительно сообщил, что на основании всей имеющейся у него информации он пришел к твердому убеждению о том, что адвокат Ш. изначально обманула его, не намереваясь оказывать ему юридическую помощь и обещая ее положительный результат. Учитывая количество и существо совершенных ею дисциплинарных нарушений, считает необходимым применить к адвокату Ш. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Представители заявителя Л. – Лю. и адвокат К. поддержали доводы заявителя Л.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 06 ноября 2021 года в СО ОМВД России по У. району Республики А. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 160 УК РФ, по факту присвоения строительных инструментов, принадлежащих Е. 13 мая 2022 года следователем вынесено постановление о привлечении Л. в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК РФ, а 19 мая 2022 года – постановление о его розыске. 08 ноября 2022 года уголовное дело передано для организации дальнейшего расследования в СЧ СУ МВД России по Республике А..

16 ноября 2022 года между Лю. в интересах ее супруга Л. был заключен с адвокатом Ш. Договор об оказании правовой помощи №.... Предмет Договора сформулирован следующим образом: *«защита по уголовному делу, а именно прекращение незаконного уголовного преследования Л. по УД .... (имеющее явный заказной характер, возбуждено СО ОМВД России по У. району) в объеме и на условиях, предусмотренных настоящим договором»*. В пункте 3.1 Договора указано: *«Настоящий договор вступает в силу с момента подписания и действует до 25 января 2023 года»*, а в п. 5.1 – *«Услуги считаются оказанными в момент вынесения постановления о прекращении уголовного преследования»*. Вознаграждение адвоката Ш. составило 15 000 000 рублей (п. 4.1 Договора).

Лю. представила в материалы дисциплинарного производства рукописную расписку от 16 ноября 2022 года следующего содержания: *«Я Ку. .... паспорт ..., получил от Лю. паспорт ... для передачи адвокату Ш. в счет заключения соглашения об оказании правовой помощи от 16.11.2022 в защиту Л. сумму в размере 15 000 000 рублей»*.

20 апреля 2023 года Л. выдал адвокату Ш. доверенность, удостоверенную временно исполняющим обязанности нотариуса города Москвы К., на представление его интересов *«во всех судебных и административных и правоохранительных органах, органах дознания, прокуратуре и иных правоохранительных органах...»*.

Адвокат Ш. в письменных объяснениях подтвердила получение этой доверенности, пояснив, что еще в декабре 2022 года она подготовила гражданский иск к потерпевшему Е. о признании недействительным договора строительного подряда от 23 февраля 2021 года № .., заключенного между Л. и Е., но обратиться в суд не могла, поскольку на тот момент у нее отсутствовала доверенность от Л., которая была выдана ей только 20 апреля 2023 года. После получения доверенности адвокат Ш. пыталась согласовать с Л. текст искового заявления, однако он перестал выходить на связь.

Давая пояснения Квалификационной комиссии, адвокат Ш. сослалась на то, что не получала от Л. требования вернуть ему указанную доверенность, а получив такое требование в ходе дисциплинарного разбирательства, пообещала ее вернуть. Она также сослалась на то, что не смогла это сделать сразу, как только узнала из материалов дисциплинарного производства о просьбе вернуть указанную доверенность, поскольку находилась в отпуске за пределами города Москвы. По утверждению адвоката Ш., она не получала от Лю. уведомлений о расторжении Договора об оказании правовой помощи от 16 ноября 2022 года № ... либо каких-то иных сообщений.

В ответе начальника отдела управления по надзору за следствием в МВД РФ Генеральной прокуратуры Российской Федерации С. от 16 декабря 2022 года на обращение адвоката Ш. указано, что законность постановлений о возбуждении уголовного дела и об объявлении Л. в розыск проверялись Прокуратурой Республики А. и судом, когда в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, обжаловались стороной защиты. Однако вступившими в законную силу постановлениями судов отказано в удовлетворении жалоб. Следственным органом приняты меры к производству в городе Москве процессуальных действий с участием Л., но он не явился к месту производства процессуальных действий. В этом ответе указан электронный почтовый ящик его адресата – адвоката Ш.. <....>.

05 мая 2023 года Лю. направила адвокату Ш. по тому же электронному адресу письмо следующего содержания: *«Прошу Вас вернуть мои денежные средства в размере 15 000 000 рублей за неисполнение обязательства по нашему договору от 16 ноября 2022 года. Напоминаю вам, что срок действия нашего договора истек 25 января 2023 года, при этом Вы до сих пор удерживаете мои денежные средства. Денежные средства прошу перевести на мою карту ПАО Сбербанк, либо через депозит нотариуса, либо наличными не позднее 06 мая 2023 года».*

11 мая 2023 года Лю. отправила адвокату Ш. на электронный почтовый ящик <....> письмо следующего содержания: *«Настоящим уведомляю Вас о расторжении ранее заключенного между нами Договора. В приложении направляю Вам скан. копию уведомления о расторжении».* В уведомлении также содержалась просьба вернуть нотариусу Я. либо Лю. нотариально удостоверенную доверенность.

В этот же день Лю. почтой «EMS Почта России» отправила адвокату Ш. по ее адресу: город Москва, Л. проспект, дом .., корп. .., кв. ... [Данный

адрес указан в нотариально удостоверенной доверенности, выданной Л. адвокату Ш. – Примечание Совета] письменное уведомление от 06 мая 2023 года о расторжении Договора об оказании правовой помощи от 16 ноября 2022 года № ..., в котором также содержалось требование в срок не позднее 7 дней с момента получения уведомления представить отчет о проделанной работе и вернуть нотариусу Я. . либо Лю. нотариально удостоверенную доверенность, полученную от Л. Согласно Отчету об отслеживании почтового отправления это письмо Лю. возвращено отправителю.

В ответе начальника отдела управления по надзору за следствием в МВД РФ Генеральной прокуратуры Российской Федерации С.. от 15 мая 2023 года на обращение адвоката Ш., отправленном на тот же ее электронный адрес, указано, что возможность отмены постановления об объявлении Л. в розыск будет рассмотрена следователем после производства с ним необходимых процессуальных действий. Поскольку обвиняемый Л. продолжает уклоняться от явки в органы внутренних дел, не имеется оснований для принятия такого решения.

09 июня 2023 года адвокат Ш. отправила Л. письмо с просьбой сообщить о его желании продолжать пользоваться ее юридической помощью по уголовному делу. В этот же день она обратилась к следователю по ОВД СЧ СУ МВД России по Республике А. К. с письменным заявлением, которым просила сообщить, поступал ли от Л. отказ от нее. Ответным письмом следователь К.. сообщила, что 29 мая 2023 года от Л. поступило уведомление о расторжении соглашения об оказании юридической помощи с адвокатом Ш.

07 июля 2023 года адвокат Ш. обратилась в правоохранительные органы с заявлением в отношении неустановленного лица, которое похитило у нее жесткий диск и детали материнской платы компьютера, который находился в ее офисе.

12 июля 2023 года адвокат Ш. обратилась к Генеральному прокурору Российской Федерации К.. с заявлением о привлечении Л., Лю., адвокатов Ка. и Щ. к уголовной ответственности за вымогательство у нее 15 000 000 рублей. В этом заявлении адвокат Ш. указала:

«...С начала мая с разных ранее мне неизвестных номеров, а также с телефонных номеров, используемых Л. и Лю. для связи по ватсап, а также с разных адресов электронной почты мне стали поступать требования перечислить на счет Лю. 15 000 000 рублей. Необходимо отметить, что яникогда не брала ни у {них}. 15 000 000 рублей или какие-то иные денежные средства, на мои банковские счета также не поступали переводы от Л.. Я расцениваю данные действия как вымогательство. Лю. и Ка. обратились в Н. межрайонный отдел Следственного управления по 3. административному округу ГСУ СК РФ по Москве к старшему лейтенанту С., который звонил мне с угрозами возбуждения в отношении меня уголовного дела по ст. 159 УК РФ (мошенничество). Также мне известно, что Ка. обзванивает моих знакомых и сообщает, что в отношении меня будет возбуждено уголовное дело по ст. 159 УК РФ.

Таким образом Л. реализуют намерение похитить у меня 15 000 000 рублей или квартиру по адресу Москва, улица М., ..., ... Учитывая вышеизложенное, прошу возбудить уголовное дело по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ».

К указанному заявлению приложен документ на двенадцати листах, названный «Хронология событий, составленная Л.». В этом документе в хронологическом порядке указаны даты и события, произошедшие с Л., начиная с 11 сентября 2021 года (дата обращения Е. в полицию с заявлением о совершении в отношении него преступления) и до 09 июня 2022 года: звонки Е., встречи Л. с адвокатами, его участие в процессуальных действиях, встречи с сотрудниками различных правоохранительных органов, обращения Л. в полицию, прокуратуру, Следственный комитет Российской Федерации и Федеральную службу безопасности Российской Федерации, а также даты принятия процессуальных решений и совершения процессуальных действий по уголовному делу, возбужденному по заявлению Е, в том числе: допросов Е. вынесения судом постановления о производстве обыска в жилище, запросов и уведомлений органов следствия, объявления Л. в розыск.

В материалах дисциплинарного производства имеется объяснение адвоката Ш. от 13 июля 2023 года по ее заявлению о вымогательстве у нее супругами Л. 15 000 000 рублей, в котором она указывает, что с начала мая 2023 года с ранее неизвестных ей абонентских телефонных номеров, с телефонных номеров Л. и Лю., а также с разных адресов электронной почты ей стали поступать требования перечислить на банковский счет Лю. 15 000 000 рублей. Адвокат Ш. расценивает эти действия как вымогательство и намерение Л. и Лю. похитить у нее указанные денежные средства или ее квартиру.

27 июля 2023 года оперуполномоченный ОУР ОМВД России по району Р. города Москвы Д. вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению адвоката Ш. о вымогательстве у нее 15 000 000 рублей в связи с отсутствием события преступления. В постановлении указано: *«На основании вышеизложенного, дознание приходит к выводу, что в данном проверочном материале не усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ, так как факт вымогательства не установлен и ничем не подтвержден, то на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ... постановил отказать в возбуждении уголовного дела по обращению Ш. по ст. 163 УК РФ».*

26 октября 2023 года Г.-А. городской суд Республики А. в порядке, установленном ч. 5 ст. 108 УПК РФ, вынес постановление об избрании в отношении Л. меры пресечения в виде заключения под стражу. В этом постановлении указано, что Л. обвиняется в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 и ч. 1 ст. 330 УК РФ, органами следствия принимались все возможные меры для установления места нахождения Л., а затем он объявлен в межгосударственный розыск. Эти обстоятельства позволили суду прийти к выводам о том, что, находясь на свободе, Л. может

продолжить скрываться от органов следствия и суда, а также иным способом воспрепятствовать производству по уголовному делу, и о невозможности применения к нему более мягкой меры пресечения, чем заключение под стражу.

В материалах дисциплинарного производства также содержится переписка супругов Л. с контактом «...» в мессенджере WhatsApp, представленная заявителем Л., анализ которой содержится в заключении Квалификационной комиссии.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Ш., включив в пункт 5.1 Договора об оказании правовой помощи № ... от 16 ноября 2022 года условие о том, что *«услуги считаются оказанными в момент вынесения постановления о прекращении уголовного преследования»*, нарушила требования п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым *«адвокат должен воздерживаться от включения в соглашения условий, в соответствии с которыми выплата вознаграждения ставится в зависимость от результата дела»*, Совет отмечает следующее.

Пункт 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что адвокат вправе в соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты адвокатов включать в соглашение об оказании юридической помощи условия, согласно которым выплата (размер выплаты) вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении.

Как указано выше, п. 4.1 Договора предусмотрено, что *«за оказание правовой помощи Заказчик оплачивает исполнителю вознаграждение по настоящему договору в размере 15 000 000 (пятнадцать миллионов) рублей, НДС не облагается»*.

Из текста расписки, составленной К., следует, что получение им 15 000 000 рублей от Лю. имело место в день заключения Договора с адвокатом Ш., а именно 16 ноября 2022 года, и оплачивалось доверителями *«в счет заключения соглашения об оказании правовой помощи от 16.11.2022 в защиту Л.»*.

Представитель заявителя Л. – Лю., являвшаяся единственной участницей со стороны доверителей в переговорах с адвокатом Ш. как в ходе обсуждения условий Договора об оказании юридической помощи ее супругу Л., так и в момент его заключения, пояснила Квалификационной комиссии, что адвокат Ш. никогда не связывала размер вознаграждения с достижением положительного результата. Напротив, она говорила, что указанный размер вознаграждения обусловлен дальностью места нахождения органа расследования уголовного дела в отношении Л., сложностью дела, необходимостью отложения адвокатом Ш. работы по иным принятым ею поручениям, обеспечения ее безопасности при выполнении настоящего поручения, в том числе с учетом погодных условий в месте расследования.

Положения п. 5.1 Договора от 16 ноября 2022 года между Лю. и адвокатом Ш. какой-либо неясности не содержат и по своему буквальному толкованию не могут рассматриваться в качестве условия, нарушающего положения п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики, так как не содержат данных о зависимости выплаты вознаграждения адвоката Ш., а также его размера, от результата оказания ею юридической помощи по Договору от 16 ноября 2022 года. Напротив, вопреки требованиям п. 3.1 указанного Договора от 16 ноября 2022 года, положения п. 5.1 Договора требовали от адвоката Ш. продолжения работы по выполнению принятого на себя поручения до момента его выполнения.

По этой причине Совет отклоняет как ошибочный довод представителя заявителя о том, что при системном толковании положений п. 5.1 и п. 1.1 Договора допустимо сделать вывод о наличии в Договоре условия, в соответствии с которым выплата (размер выплаты) вознаграждения ставится в зависимость от результатов оказания адвокатом юридической помощи.

Учитывая изложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении доводов жалобы Л. о том, что 29 апреля 2023 года в ходе телефонного разговора с ним адвокат Ш. использовала «нецензурную лексику». Как пояснил заявитель Л., доказательствами использования адвокатом Ш. ненормативной лексики, по его мнению, являются аудиофайл записи разговора с адвокатом Ш. и объяснения его супруги – Лю., которая ранее уже обращалась с жалобой на адвоката Ш. Вместе с тем, в переписке в мессенджере WhatsApp между Л. и адвокатом Ш. отсутствуют сообщения с ненормативной лексикой, и последняя категорически отрицает ее использование в общении с Л. и Лю., а также не подтверждает достоверность аудиозаписи разговора, состоявшегося 29 апреля 2023 года в мессенджере WhatsApp, и не опознает свой голос на аудиозаписи в файле «124FAE~1.MP4». Каких-либо иных доказательств заявителем не представлено.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает указанное дисциплинарное обвинение недоказанным.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом Ш. положений пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в навязывании своей помощи и привлечении доверителей с использованием личных связей «с работниками судебных и правоохранительных и иных органов государственной власти, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами», Совет приходит к следующим выводам.

Указание в п. 1.1 Договора от 16 ноября 2022 года в качестве предмета поручения, принимаемого адвокатом Ш., в том числе «прекращение

незаконного уголовного преследования Л.» по уголовному делу № ..., *«имеющему явный заказной характер»*, во взаимосвязи с положениями п. 5.1 этого же Договора о том, что *«услуги считаются оказанными в момент вынесения постановления о прекращении уголовного преследования»*, дают основания констатировать нарушение адвокатом Ш. требований пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в навязывании своей помощи и привлечении в качестве доверителей супругов Л. и Лю. обещанием благополучного разрешения дела.

Данный вывод находится во взаимосвязи с установленным Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 сентября 2023 года № ... в действиях адвоката Ш. нарушением требований п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении в тот же Договор ненадлежащих формулировок, которые *«неизбежно и с полным основанием создавали у доверителя Лю. понимание выданного адвокатом Ш. обещания неременного достижения желаемого доверителем результата оказания юридической помощи»*.

При таких обстоятельствах Совет признает, что достоверно установленные фактические обстоятельства дают основания для квалификации рассматриваемых действий адвоката Ш. как нарушение требований не только п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (за которое адвокат Ш. уже привлечена к дисциплинарной ответственности), но и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката. По этой причине Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» пп. 1 ст. 8 и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«Адвокат обязан честно... добросовестно, квалифицированно... исполнять свои профессиональные обязанности, адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем... обещания благополучного разрешения дела»*) исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем Л., выразившемся в навязывании последнему своей помощи и привлечении его в качестве доверителя по Договору об оказании юридической помощи от 16 ноября 2022 года № ... путем обещания благополучного разрешения дела.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что 12 июля 2023 года адвокат Ш. обратилась к Генеральному прокурору Российской Федерации с заявлением о вымогательстве у нее Л. и иными лицами денежных средств в размере 15 000 000 рублей, к которому умышленно, без согласия доверителя приобщила документ с названием *«Хронология событий, составленная Л.»*, содержащий сведения, полученные от доверителя Л. в ходе оказания ему юридической помощи по уголовному делу, на которые распространяется режим профессиональной (адвокатской) тайны, и использовала их в своих интересах, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ш. в данной части опровергнутой.

Факт приложения к указанному заявлению документа с названием «Хронология событий, составленная Л.», адвокатом Ш. не отрицается, как не отрицается ею и тот факт, что все сведения, указанные в данном документе, были получены ею от доверителя Л. в связи с осуществлением его защиты по уголовному делу. Кроме того, адвокат Ш. подтвердила, что информация, содержащаяся в документе «Хронология событий, составленная Л.», каких-либо обстоятельств совершения в отношении нее общественно-опасного деяния не подтверждала, а свидетельствовала лишь о том, что супруги Л. и Лю. высказывали опасения за свое здоровье и жизнь еще до принятия адвокатом Ш. поручения на защиту Л.

Разрешая вопрос о соблюдении адвокатом Ш. требований профессиональной этики адвоката применительно к установленным фактическим обстоятельствам, Совет отмечает следующее.

Институт независимой адвокатуры является гарантией конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ, Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 года № 2-П). Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Отношения, складывающиеся между адвокатом и лицом, представление интересов которого адвокат осуществляет, основаны на особых лично-доверительных отношениях между ними (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1996 года № 8-П, от 29 ноября 2010 года № 20-П и др.). Это позволяет достигнуть эффективности как получаемой юридической помощи, так и судебной защиты в целом, поскольку осуществление представительства в деле тем адвокатом, с которым сформированы доверительные (фидуциарные) отношения и с которым он может согласовать позицию в ходе производства по делу, максимально способствует реализации законных интересов представляемого лица. В Кодексе профессиональной этики адвоката (статья 5 и пункт 1 статьи 6) также подчеркивается, что связь между адвокатом и доверителем основывается на лично-доверительном характере отношений между ними (Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 17 июля 2019 года № 28-П).

В соответствии с п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

Пункт 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката определяет, что правила сохранения профессиональной тайны распространяются, в том числе на факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей, а также сведения, полученные адвокатом от доверителей, включая любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 15 января 2016 года № 76-О указал: «Разъясняя ориентиры для понимания соответствующих гарантий, Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе (принят 28 октября 1988 года Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского Союза) относит к существенным признакам адвокатской деятельности обеспечение клиенту условий, когда он может свободно сообщать адвокату сведения, которые не сообщил бы другим, и сохранение адвокатом как получателем информации ее конфиденциальности, поскольку без уверенности в конфиденциальности не может быть доверия; при этом требованием конфиденциальности определяются права и обязанности адвоката, имеющие фундаментальное значение для профессиональной деятельности, – адвокат должен соблюдать конфиденциальность в отношении всей информации, предоставленной ему самим клиентом либо полученной им относительно его клиента или других лиц в ходе оказания юридических услуг, причем обязательства, связанные с конфиденциальностью, не ограничены во времени (пункт 2.3). Согласно же Основным принципам, касающимся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в августе – сентябре 1990 года), правительствам надлежит признавать и обеспечивать конфиденциальный характер любых консультаций и отношений, складывающихся между юристами и их клиентами в процессе оказания профессиональной юридической помощи».

Довод адвоката Ш. о том, что она не оформляла самостоятельно документ с названием «Хронология событий, составленная Л.», а использовала его в том виде, как получила от доверителя, не влияет на оценку ее профессионального поведения.

Сведения в документе «Хронология событий, составленная Л.» со всей очевидностью составляли предмет адвокатской тайны, поскольку были получены адвокатом Ш. от доверителя Л. в связи с оказанием последнему юридической помощи. При этом использование адвокатом Ш. этих сведений в качестве приложения к своему заявлению от 12 июля 2023 года о совершении ее доверителем Л. и другими лицами в отношении нее уголовно-наказуемого деяния не являлось необходимым для обоснования позиции, изложенной ею в заявлении о преступлении.

С учетом изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу, что адвокат Ш., приложив к своему заявлению от 12 июля 2023 года, адресованному Генеральному прокурору Российской Федерации, о привлечении группы лиц, включая Л. и Лю. к уголовной ответственности «по факту вымогательства в особо крупном размере п. б ч. 3 ст. 163 УК РФ) в отношении Ш.» документ с названием «Хронология событий, составленная Л.», умышленно нарушила взаимосвязанные положения п. 3, 4 ст. 6 и пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, так как разгласила без согласия

доверителя сведения, полученные ею в связи с оказанием Л. юридической помощи, и использовала их в своих интересах.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Ш. не исполнила требования п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку не вернула Л. доверенность, выданную ей 20 апреля 2023 года, Совет, прежде всего, отмечает непоследовательную и противоречивую позицию адвоката Ш. в ходе настоящего и предыдущего дисциплинарных разбирательств, подробно проанализированную в заключении Квалификационной комиссии. По этой причине Совет критически относится к доводам адвоката Ш. в ходе настоящего дисциплинарного разбирательства, о том, что оригинал доверенности у нее отсутствовал, и что Л. передавал ей доверенность в электронном виде в PDF-файле.

В этой связи Совет отмечает, что п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката установлена обязанность адвоката при отмене поручения незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинники документы по делу и доверенность. При этом Кодекс не содержит указаний на необходимость каких-либо дополнительных требований об этом со стороны доверителя, а также выполнения им каких-либо иных дополнительных действий.

Несмотря на то, что адвокат Ш. отрицает факт получения уведомления доверителей Л. о расторжении Договора об оказании правовой помощи от 16 ноября 2022 года № ..., из приведенного выше ответа следователя от 29 июня 2023 года на обращение адвоката Ш. ясно следует, что 29 мая 2023 года в СЧ СУ МВД России по Республике А. поступило уведомление Л. о том, что соглашение с адвокатом Ш. об оказании юридической помощи расторгнуто. Кроме того, адвокату Ш. бесспорно стало известно об этом и о требовании вернуть доверенность из жалобы Лю. в Адвокатскую палату города Москвы (вх. №... от 22.05.2023), явившейся поводом для возбуждения одного из предыдущих дисциплинарных производств в отношении адвоката Ш.

Как указано выше, адвокат Ш., пытаясь объяснить причины невозвращения доверителю Л. подлинника доверенности, сначала указывала на отсутствие такого требования Л., затем на свое нахождение в отпуске за пределами города Москвы, а после этого она и вовсе заявила о том, что не получала от Л. оригинал доверенности. Адвокат Ш. также полагает, что обязательными предварительными условиями возврата оригинала доверенности являются сначала ее отмена, а затем направление требования о ее возврате. Однако, как уже указано выше, эти доводы адвоката Ш. полностью несостоятельны, поскольку прямо противоречат нормативным требованиям. Совет отклоняет приведенные доводы адвоката Ш. и дополнительно отмечает, что действия, направленные на возврат доверенности от 20 апреля 2023 года, ею не предпринимались, в том числе, и после поступления жалоб супругов Л. в Адвокатскую палату города Москвы, содержание которых ей было достоверно известно.

Таким образом, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ш. опровергнутой и приходит к выводу о ненадлежащем

исполнении ею профессиональных обязанностей перед доверителем и в части данного дисциплинарного обвинения.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ш. за совершенные ею дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный, тяжкий и злостный характер, сопряженный с явным и грубым игнорированием адвокатом обязательных и основополагающих профессиональных правил оказания юридической помощи, а также установления и поддержания отношений с доверителем. Совокупность тяжких дисциплинарных нарушений, выразившихся в навязывании своей помощи Л. и привлечении его в качестве доверителя недостойным способом – путем обещания благополучного разрешения дела, с последующим разглашением в личных целях и интересах адвокатской тайны должностным лицам правоохранительных органов и удержанием доверенности после расторжения соглашения об оказании юридической помощи, свидетельствует о том, что профессиональное поведение адвоката Ш. ни при каких обстоятельствах не может быть признано допустимым и совместимым со статусом адвоката. Совет также учитывает несовершенство адвокатом Ш. каких-либо действий, направленных на исправление совершенных ею дисциплинарных проступков и минимизацию их негативных последствий. Совокупность установленных и описанных выше обстоятельств приводит Совет к выводу о том, что адвокат Ш. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие предназначению адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Ш. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет учитывает длительный стаж работы адвоката Ш. и отсутствие у нее непогашенных дисциплинарных взысканий, однако не усматривает оснований для применения к ней более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Ш. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенная ею совокупность грубых нарушений правил профессионального поведения совместима со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или

ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Ш. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая приведенные выше данные о личности Ш., считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1 и 2 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 и п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Ш. (регистрационный номер 77/... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

1) ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 ст. 8 и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан честно... добросовестно, квалифицированно... исполнять свои профессиональные обязанности, адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем... обещания благополучного разрешения дела») исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Л., выразившееся в навязывании последнему своей помощи и привлечении его в качестве доверителя по Договору об оказании юридической помощи от 16 ноября 2022 года № 16-11-22 путем обещания благополучного разрешения дела;

2) нарушение взаимосвязанных положений п. 3, 4 ст. 6 и пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в разглашении ею, в своих интересах и без согласия доверителя Л., при подаче ею 12 июля 2023 года заявления на имя Генерального прокурора Российской Федерации о привлечении Л., Лю. и других к уголовной ответственности за совершение у нее (Ш.) вымогательства, сведений, полученных от доверителя Л. и оформленных адвокатом Ш. в виде документа с названием «Хронология событий, составленная Л.», являющегося приложением к вышеуказанному заявлению;

3) ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката

во взаимосвязи с п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («При отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю ... доверенность...»), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Л., выразившееся в том, что, узнав 29 июня 2023 года о расторжении Договора об оказании правовой помощи от 16 ноября 2022 года № ..., адвокат Ш. не возвратила доверителю Л. подлинник доверенности от 20 апреля 2023 года (бланк № ..., удостоверенной К. – временно исполняющей обязанности нотариуса города Москвы Я., номер в реестре ...).

Установить срок, по истечении которого Ш. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ш. по жалобе Л. от 13 июля 2024 года (вх. № ... от 20.07.2024), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков